

Искренность, аллюр и другие философские инструменты Грэма Хармана

Ведерников Георгий Андреевич

Студент (магистр)

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина,
Екатеринбург, Россия

E-mail: georgy.vedernikov@yandex.ru

Переосмысляя предшествующую традицию, Грэм Харман принимает значимость отдельных философских пассажей прошлого, однако все же упрекает их в том, что взаимоотношения человека и объекта, всегда выстраивались относительно человеческого сознания. Изначальное разделение вещей на *φαῖνόμενον* и *νοούμενον*, в духе Платона и кантовско-коперниканской революции, автоматически нуждается в наблюдателе или внешнем акторе, благодаря которому будут простраиваться связи между объектами реальности. Мир дуален, иерархичен, замкнут в рамках сознания. Ding an sich неуклонно спрятана, недоступна созерцанию, а значит целостный объект скрыт от человека. В своей статье «Четыре позиционные войны Грэма Хармана» Артем Морозов цитирует отношение Хармана к кантовской революции так: «Сильно упрощая, мы можем сказать, что в основе кантовской революции в философии лежат два принципа: 1) Кант разделяет феномены и ноумены. Человеческие существа конечны; абсолютное знание недоступно. Вещи в себе мыслимы, но не познаваемы. 2) Отношение человек-мир является философски привилегированными для Канта» [2]. Не пытаясь оспорить первый тезис о раздвоенной данности объектов, Харман стремится преодолеть второй пункт, он намерен лишить человека привилегированного доступа к объекту (*philosophies of human access*). Для него совершенно ясно, что гегемония сознания, как первооткрывателя, наполненного объектами сущего, является всего лишь заблуждением: «И если различие Канта поддерживается людьми, и только людьми, то я настаиваю на том, что один бильярдный шар скрывает от другого бильярдного шара не меньше, чем шар-в-себе скрывает от людей» [1]. Отталкиваясь от взаимодополняемой разности гуссерлианских и хайдеггерианских типов объектов Харман разделяет объекты на реальные и чувственные (идеальные). «Реальные объекты утекают в темные пещеристые подземные миры, лишённые причинных связей. Чувственные объекты, напротив, настолько стремятся взаимодействовать со своими соседями, что остается лишь удивляться, что они не делают этого в каждый момент» [1]. Взаимодействие с чувственными объектами требует от сознания направленности, интенциональности. Харман, вслед за Гуссерлем, настаивает на четкости, ясности сознания в рамках его взаимодействия с конкретным объектом действительности. Между объектом, сознанием и интенцией сознания в восприятии объекта, образуется пять способов отношений: содержательность, смежность, искренность, связь и отсутствие всякого отношения [1]. *Содержательность* указывает на целостную наполненность интенции восприятия как объектом, так и наблюдателем (сознанием). «Различные чувственные объекты внутри интенции располагаются по соседству, не затрагивая друг друга» образуют отношение *смежности*. Честная попытка углубиться в суть объекта характеризуется отношением *искренности*. Связь указывает на взаимодействие реальных объектов друг с другом, хоть и не напрямую, а «посредством какого-то неведомого замещения». По словам Хармана, реальные объекты могут совершенно спокойно существовать *вне отношений* друг с другом, лишь иногда образуя замещающую связь. Реальные объекты взаимодействуют с другими реальными объектами посредством делегатов, чувственных образов, которые замещают своим присутствием отсутствие непосредственно данной реальности. Для того чтобы понять, каким именно образом реальным объектам удастся общаться друг с другом через замещения себя чувственными объектами, возникающими в интенции, по мнению Грэма Хармана,

нам нужно сосредоточиться на *искренности* как особом виде отношений. «Искренность имеет дело с чувственными объектами, которые определяются своими качествами и содержат примеси различных периферийных привходящих свойств и отношений» [1]. Однако искренность сознания не предполагает четность и открытость тех чувственных данных, что делегирует нам реальный объект. Эмоциональная составляющая в восприятии пучка качеств, сопровождающая процесс чувственного познания, вызывает неизбежный разрыв или несоответствие между чувственно воспринимаемым объектом и его качествами, которое Харман называет *аллюром*. «Привходящие свойства — заманивающие изгибы, идущие из чувственно-воспринимаемого объекта и дающие ему возможность связаться с другими и слиться с ними в одно». Какая-то часть этих свойств находится на поверхности чувственных объектов, а какая-то разлетается в виде шумов. Части реальных объектов, напротив, содержатся внутри их самих. Харман отстаивает возможность самостоятельного существования объектов вне зависимости от сознания, однако связь между ними налаживается благодаря искренности нашего познания. «Дерево и горный пейзаж, конечно же, существуют отдельно друг от друга, но они объединены в той мере, в какой я искренне поглощен ими обоими» [1]. Институт замещения реальных объектов чувственными для соприкосновения с другими реальными объектами, коим являемся и мы с вами, образует постоянную реконфигурацию отношений в рамках ассиметричной связи объектов сущего. «Как два чувственных объекта заместительно связаны посредством одного реального, так и два реальных объекта должны быть заместительно связаны посредством одного чувственного» [1]. Данный вид взаимоотношений можно предстать в виде некоего бесконечного, разновысотного и ассиметричного зигзага. Вершины различных сторон (экстремумы) обозначают тот или иной вид объектов (реальные или чувственные), которые связаны с однотипными объектами только через делегирование или замещения себя объектом другого типа. Рассекающая линия есть срез интенциональности, наполненный шумами, аллюрами и пятью видами отношений объектов. Мы видим, что простроить окончательную и ясную модель взаимосвязи одних объектов с другими Харману пока не удается, хотя уже есть некий элементарный инструментарий, дающий некоторую свободу действий в рамках новой парадигмы тотальной скрытости объектов не только от человека, но и от всего сущего в целом.

Источники и литература

- 1) Харман Г. О замещающей причинности / Пер. А.Маркова // Новое литературное обозрение. 2012. № 2 (114). С. 75–90.
- 2) Морозов А. Четыре позиционные войны Грэма Хармана / Логос. 2014. № 4 (100). С. 249-264

Иллюстрации

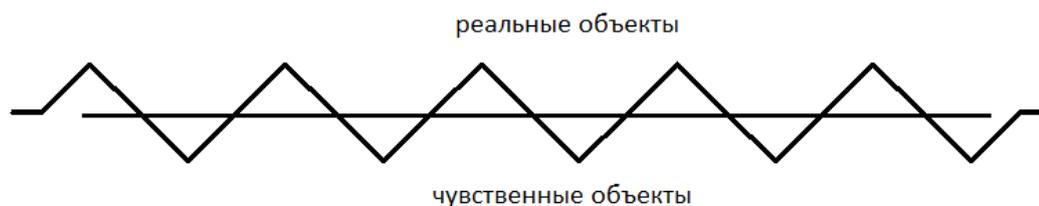

Рис. 1. образ онтологии Грэма Хармана